

Урбанистика

Правильная ссылка на статью:

Вязинкин А.Ю., Двухжилова И.В. — Проблема виртуальных реконструкций «мест памяти» в свете пространственного культурного поворота // Урбанистика. – 2020. – № 3. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.3.32423
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32423

Проблема виртуальных реконструкций «мест памяти» в свете пространственного культурного поворота

Вязинкин Алексей Юрьевич

кандидат философских наук

доцент, кафедра "История и философия", ФГБОУ ВО "Тамбовский государственный технический университет"

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106

✉ vyazinkin@yandex.ru

Двухжилова Ирина Владимировна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра "История и философия", ФГБОУ ВО "Тамбовский государственный технический университет"

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 106

✉ eriniya711971@mail.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология"](#)

DOI:

10.7256/2310-8673.2020.3.32423

Дата направления статьи в редакцию:

19-03-2020

Дата публикации:

06-07-2020

Аннотация.

В статье рассматривается проблема историко-культурной значимости виртуальных реконструкций памятных мест и создания цифровых музеев в контексте пространственного поворота в науках о культуре. "Места памяти" рассматриваются не только как объекты виртуальной реконструкции, но и как источники социальных конструктов и социальных практик, как элементы исторического капитала города. В этом смысле проекты цифровых музеев могут рассматриваться как программа создания коммеморативной среды, которая в свою очередь способствует формированию и развитию в обществе чувства солидарности. Междисциплинарный подход в решении проблемы реализуется посредством использования методологии исторических и

культурологических исследований с учетом, так называемого, пространственного поворота в науках о культуре, а также технологий виртуального проектирования и математического моделирования. Интенсификации формирования коммеморативной среды и гражданской идентичности способствует обращение в любых формах (в том числе в виртуальном пространстве) к "местам памяти", как к знаковым пунктам социальной памяти и традиции, ключевым компонентам исторического капитала города. Проекты виртуальной реконструкции (создание цифрового музея) памятных мест при помощи программной платформы с открытым кодом OpenSimulator следует воспринимать как «дополненную реальность» исторического капитала города.

Ключевые слова: памятные места, социальная память, пространственный поворот, виртуальное моделирование, исторически значимые территории, культурная антропология, коммеморация, социальный конструкт, урбанистика, солидарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00044 «Анализ исторических процессов памятных мест Тамбовского края, связанных с пребыванием в них известных деятелей России, с использованием технологии виртуального моделирования»).

Пространственный поворот в культуре связан, прежде всего, с динамичным развитием урбанистического пространства. Современные города обнаруживают высокую концентрацию визуальных элементов, что серьезно деформирует культурно-историческое содержание «мест памяти», как опорных пунктов традиции.

Цель нашего исследования – определить особенности историко-культурного значения виртуальных реконструкций памятных мест в свете пространственного поворота в культуре. Новизна исследования состоит в междисциплинарном подходе к обоснованию виртуального моделирования памятных мест, как элемента «коннективной» структуры культуры и как источника социальных конструктов и социальных практик. В современной России проблема сохранения традиции является остроактуальной, в связи с этим обращение к новым стратегиям формирования культуры памяти (в т. ч. посредством создания виртуальных реконструкций «мест памяти») представляется весьма своевременным.

«Места памяти» и «коннективная» структура культуры

Французский историк П. Нора разработал понятие «место памяти», объяснив появление феномена и термина переменами в социальной и духовной жизни общества: «Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие» [7, с. 26]. Таким образом, актуализацию явления «мест памяти» историк связывает с общественной потребностью в ритуале, как техники коммуникации и коммеморации. Очевидно, в деритуализованном обществе разрушаются традиционная система ценностей и целые пласты коллективной памяти. Памятные места как объекты альтернативного «ритуала», таким образом, представляют собой связующие звенья культурной памяти.

Немецкий историк культуры Я. Ассман в этой связи говорил о «коннективной» структуре культуры. Она «связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации» [1, с. 15]. Основными компонентами этой структуры являются:

1) воспоминание;

- 2) идентичность;
- 3) культурная преемственность.

Именно «память», в отличие от «истории», в теории П. Нора и М. Хальбвакса, обладает актуальной устойчивостью. Следовательно, она, обеспечивая «культурную преемственность», способна стать источником развития солидарных отношений в обществе, что является актуальной социальной проблемой в современных условиях. Важным вопросом является практическая сторона дела: какие формы социального конструирования и механизмы репрезентации можно использовать, учитывая опыт пространственного поворота в науках о культуре?

«Пространственный поворот» и социальный конструкт

Пространственный поворот в науках о культуре стал логическим следствием перехода от модерна к постмодерну. Ментальный опыт современного человека, находящийся во взаимной зависимости с кодом культуры, больше соотносится с пространственными категориями, нежели с временными: «наша повседневная жизнь, наш психический опыт и языки наших культур управляются сегодня скорее категориями пространства, чем времени, в отличие от предшествующего периода высокого модернизма» [\[6, с. 107\]](#).

Вместе с тем, постмодернистская мысль понимает пространство не как онтологический феномен, а как социальный конструкт. При этом социальный конструкт – это сложный ансамбль смысловых и когнитивных операций, он не редуцируется до простого объекта. Однако в западноевропейской культурфилософии связь культурной парадигмы с политической экономией, с промышленным дискурсом как таковым, настолько сильна, что пространство воспринимается как «локус производства» [\[9, р. 109\]](#). Это следствие определяющего влияния индустриальной фазы развития общества. Пространство воспринимается как источник и место производства, или даже как сам продукт. В этой парадигме социальный конструкт экономически детерминирован.

В условиях глобализации происходит постепенная аксиологическая унификация, но, как оказалось, не стираются пространственные границы культуры. Их незыблемость спаяна опытом культурно-исторической памяти. Эту конъюнктивную функцию исторического сознания («и память, и значение») обычно принимают за побочное явление глобализации. Однако его можно использовать иначе, чем в мейнстримной логике западноевропейской культурфилософии, теории культуры и урбанистики. По существу, ориентация на пространство в ущерб времени означает переход от эволюционной парадигмы общественного и культурного развития («прогресс ради прогресса») к возможности реанимации традиционной социальной аксиологии. То есть возврат к прежним ценностям через обновленное пространственное освоение культурно-исторического содержания традиции приобретает высокую эвентуальность.

Обращение к традиции обусловлено неисчислимыми триггерами посткапиталистического мира. Социальный конструкт традиционной аксиологии неизбежно соприкасается с историческим материалом. «Места памяти» становятся наиболее актуальными катализаторами формирования подобных социальных конструктов. Это опыт, расширяющий границы исторического сознания современного человека, он дополняет историю пространственным содержанием, потому что в современных условиях пределы исторического повествования установлены его «временной последовательностью» [\[2, с. 361\]](#).

Виртуальные реконструкции: опыт, содержание и перспективы

Виртуальные реконструкции памятных объектов можно рассматривать как переописание (перекартографирование) пространства-территории, позволяющее задать обновленные (либо принципиально новые) смыслы объектам в соответствии, например, с курсом на восстановление исторической памяти.

Создавать виртуальные реконструкции значит не только визуализировать, но и «опространствливать» исторические объекты. И в этом смысле акцент на виртуализации культурно-исторических объектов получает свое особое прочтение в контексте пространственного культурного поворота. Акцентирование внимания на технологиях виртуальной реконструкции и на создании виртуальных музеев, предоставляющих условия широкой доступности, как это ни странно, порождает своеобразную иерархию мест. Эта проблема весьма актуальна, учитывая рост темпов мобильности современного человека. Объекты культурного значения, «места памяти» способны обрести еще более высокий статус на фоне многообразных современных локаций, которые практически повсеместно преобразуются в транзитные пространства с отсутствующей идентичностью [8] и социальной ценностью, определяемой одной только мерой удобства и комфорта.

Согласно М. Оже существует несколько причин утраты локациями своих идентичностей в условиях «сверхсовременности»:

- 1) «surabondance spatial» – пространственно изобилие из-за высокого динамизма передвижения;
- 2) «surabondance evenementielle» – насыщенная событийность, не успевающая получить толкование;
- 3) «individualisation des reference» – индивидуализация в толковании информации.

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда пространственная структура соответствует социальному конструкту. Сверхдинамичная социальная и физическая мобильность в открытом обществе гипермодерна порождает «проскальзывание» пространства и торжество анонимности.

Однако возможно и иное использование подобной социокультурной ситуации. Акцентирование внимания на местах исторической памяти обуславливает иерархию мест, а, значит, и иерархию социальных ценностей. Можно выделить следующие основания и достоинства ориентации на виртуализацию пространства «мест памяти»:

- 1) виртуальная реконструкция – это гипотетическое воссоздание достоверного места или воссоздание гипотетически достоверного места. Историческая конгруэнтность и предполагаемое подобие – предзаданные границы научной санкции конструирования социальных практик;
- 2) виртуальные музеи, как совокупность таких реконструкций, способствуют расширению феноменологического опыта человека, не сокращая ни смыслового, ни культурного содержания;
- 3) широкая доступность материала – это гарантия открытости истории, причем не только как нейтрального потока событий, но и как раскрытого во времени паттерна значения;
- 4) «место памяти», как объект, территория и смысл – это семантически и семиотически насыщенный фрагмент культуры, «застывшая» историческая память.

Виртуальные реконструкции обладают значительным педагогическим и просвещенческим потенциалом. Он может актуализироваться через различные формы освоения воссозданного культурного пространства. Воссоздаваемый объект – не только фрагмент исторической памяти, но и своего рода эквивалент традиции.

Таким образом, виртуальные реконструкции памятных мест, культурно и исторически значимых объектов – это способ «опространствления» (пространственной презентации) результатов аналитического исторического и культурно-географического исследования; способ, выделяющий основные объекты и второстепенные, в соответствии с заданным критерием исследования.

Особого внимания заслуживает и так называемый «топографический поворот», культурологический подход которого сосредоточен на техниках и формах репрезентации.

Трехмерный виртуальный музей можно рассматривать как одну из форм репрезентации «мест памяти». Группа тамбовских ученых реализует проект создания виртуальных музеев памятных мест с помощью программной платформы с открытым кодом OpenSimulator, которая представляет собой серверную платформу для создания трехмерных виртуальных миров [3-5]. Каждое подобное виртуальное пространство обладает следующими признаками:

- 1) коллективное пространство: участвовать могут одновременно несколько пользователей;
- 2) графический пользовательский интерфейс: пространство в мире отражено виртуально и варьируется по стилю от 2D-изображения до 3D-изображений;
- 3) оперативность: коммуникация происходит в режиме реального времени;
- 4) интерактивность: позволяет участникам изменять, развивать или принимать содержание;
- 5) постоянство: существование мира продолжается независимо от того, находятся ли пользователи в системе или нет;
- 6) общение: пространство дает возможность и содействует формированию внутренних социальных групп (команды, соседства, комьюнити и т. д.).

Урбанистическое значение и социальные практики

Последние четыре десятилетия культурная география нередко сталкивается с исторической наукой на поле урбанистики. Это совпадает со временем начала и утверждения «пространственного поворота» в науках о культуре.

Объекты и следы культурно-исторической памяти кодируют пространство, создавая нарратив локального мифа. По этим объектам, следам и кодам создается интересубъективная (складывающаяся из: индивидуального восприятия информанта, групповой идентичности, общественного воображения места) ментальная карта города.

Однако ментальная карта города, очевидно, поддается не только аналитике, но и корректировке. Американской исследователь и основоположник гуманитарной географии И-Фу Туан отмечал, что место «воплощает в себе опыт и настроения людей» [10, p. 213], в нем заключено значение, и поэтому место репрезентирует историю и скрыто, и явно. Конструирование социальных практик посредством корректировки ментальной карты

города – одно из весьма перспективных направлений урбанистики.

«Исторический капитал» города определяется наличием в нем культурно-исторических «мест памяти», а также формирует характер и организацию социальных практик, направленных на укрепление опыта кооперации и на развитие солидарных общественных отношений. Интенсификация обращения к «историческому капиталу» позволит сформировать устойчивые паттерны коллективной памяти и выработать разнообразие коммеморативных практик.

Заключение

В свете пространственного поворота в культуре современные города способны реанимировать традиционные формы коммуникации посредством практик гражданского ритуала. Источниками подобных ритуалов, в первую очередь, могут служить именно «места памяти», как знаковые пункты гражданской идентичности и коммеморации. В условиях общества гипермодерна памятные места несут в себе потенциал ядерных оснований социальных конструктов, способствующих развитию солидарных отношений. Проекты виртуальной реконструкции «мест памяти» при помощи программной платформы с открытым кодом OpenSimulator, конечной целью которых является воплощение в жизнь цифрового музея, следует воспринимать как своего рода «дополненную реальность» исторического капитала города.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
3. Горелов А. А., Немтинов В. А. Формирование исторического портрета города с использованием информационных технологий // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 106-111.
4. Горелов А. А. Технология подготовки информационного материала для создания виртуального музея усадьбы В. И. Вернадского // Устойчивое развитие: традиции местного самоуправления и современность (к 155-летию земской реформы и 75-летию ноосферной концепции В. И. Вернадского): Материалы Международной научно-практической конференции (27–28 мая 2019 г.). Тамбов: Издательство ФГБОУ ВО "ТГТУ", 2019. С. 207-210.
5. Горелов И. А., Немтинов В. А. Информационный анализ динамики освоения исторически значимой территории «Базарная площадь» г. Тамбова // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 33-44.
6. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
8. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
9. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1991. 454 p.
10. Tuan Y.-F. Space and place: humanistic perspective // Progress in geography. 1974. Vol. 6. Pp. 211-252.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Замечания: Первый абзац: «Пространственный поворот в культуре связан, прежде всего, с динамичным развитием урбанистического пространства. Современные города обнаруживают высокую концентрацию визуальных элементов, что серьезно деформирует культурно-историческое содержание «мест памяти», как опорных пунктов традиции. » Первая фраза, вводя в оборот сочетание «пространственный поворот в культуре», с чем отсылая к «пространственному культурному повороту» заглавия, нуждается, безусловно, в достаточно исчерпывающем разъяснении словосочетания (авторство, общепринятость, время появления и пр.). Между тем продолжение (современные города...) сразу сводят эту едва обозначенную тему к ряду сугубо локальных обстоятельств, никак ее не проясняя. И далее: «Цель нашего исследования – определить особенности историко-культурного значения виртуальных реконструкций памятных мест в свете пространственного поворота в культуре. Новизна исследования состоит в междисциплинарном подходе к обоснованию виртуального моделирования памятных мест, как элемента «коннективной» структуры культуры и как источника социальных конструктов и социальных практик.» Продолжение не развеивает возникшие недоумения, добавляя к ним не менее интригующее «виртуальное моделирование памятных мест, как элемента «коннективной» структуры культуры». И далее: «В современной России проблема сохранения традиции является остроактуальной, в связи с этим обращение к новым стратегиям формирования культуры памяти (в т. ч. посредством создания виртуальных реконструкций «мест памяти») представляется весьма своевременным. » Но именно здесь самое время сказать несколько слов относительно «новых стратегий формирования культуры памяти», не вынуждая читателя обращаться к словарям и справочникам. Первый абзац основного текста: «Французский историк П. Нора разработал понятие «место памяти», объяснив появление феномена и термина переменах в социальной и духовной жизни общества: «Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие» [7, с. 26]. (Фраза, с которой имело смысл начать изложение). Таким образом (?), актуализацию явления «мест памяти» историк связывает с общественной потребностью в ритуале, как техники коммуникации и коммеморации (с каких пор ритуал причисляется к «технике коммуникации?»). Очевидно, в деритуализованном обществе разрушаются традиционная система ценностей и целые пласты коллективной памяти. Памятные места как объекты альтернативного «ритуала», таким образом, представляют собой связующие звенья культурной памяти (ни слова о «пространственном повороте»). » «Пространственный поворот в науках о культуре стал логическим следствием перехода от модерна к постмодерну. Ментальный опыт современного человека, находящийся во взаимной зависимости с кодом культуры, больше соотносится с пространственными категориями, нежели с временными: «наша повседневная жизнь, наш психический опыт и языки наших культур управляются сегодня скорее категориями пространства, чем времени, в отличие от предшествующего периода высокого модернизма» [6, с. 107]. » Условно-вторая фраза введения. «Однако в западноевропейской культурфилософии связь культурной парадигмы с политической экономией, с промышленным дискурсом как таковым, настолько сильна, что пространство воспринимается как «локус производства» [9, р. 109]. » Весьма сильное заявление, которое следовало подкрепить чем-то большим, нежели ссылкой на Лефевра с его весьма своеобразной позицией

(включая изменения в трактовке самого «производства»). «Эту конъюнктивную функцию исторического сознания («и память, и значение») обычно принимают за побочное явление глобализации. Однако его (сознание? Конъюнктивную функцию? В таком случае - ее) можно использовать иначе (кто выступает субъектом подобного (возможного) «использования?»), чем в мейнстримной логике западноевропейской культурфилософии, теории культуры и урбанистики (вновь смелое обвинение всей «логики западноевропейской культурфилософии, теории культуры и урбанистики»; однако таковая весьма разнообразна).» «По существу, ориентация на пространство в ущерб времени означает переход от эволюционной парадигмы общественного и культурного развития («прогресс ради прогресса») к возможности реанимации традиционной социальной аксиологии. То есть возврат к прежним ценностям через обновленное пространственное освоение культурно-исторического содержания традиции приобретает высокую эвентуальность. » Это «то есть» чрезвычайно немного объясняет. «Это опыт, расширяющий границы исторического сознания современного человека, он (?) дополняет историю пространственным содержанием (непонятно), потому что в современных условиях пределы исторического повествования установлены его «временной последовательностью» [2, с. 361]. » И вновь: это «потому что», очевидно, подменяет необходимую расшифровку. И т. д. Перейдем к «заключению»: «В свете пространственного поворота в культуре современные города способны реанимировать традиционные формы коммуникации посредством практик гражданского ритуала (города в качестве субъектов социальных изменений — очевидно, метафора). Источниками подобных ритуалов, в первую очередь, могут служить именно «места памяти», как знаковые пункты гражданской идентичности и коммеморации. В условиях общества гипермодерна памятные места несут в себе потенциал ядерных оснований социальных конструктов, способствующих развитию солидарных отношений. Проекты виртуальной реконструкции «мест памяти» при помощи программной платформы с открытым кодом OpenSimulator, конечной целью которых является воплощение в жизнь цифрового музея, следует воспринимать как своего рода «дополненную реальность» исторического капитала города. » Заключение (выводы) предельно обтекаемы; можно было бы ожидать несколько большей конкретики; "проблемы виртуальных реконструкций" в нем, видимо, отражения не нашли. Заключение: работа в целом отвечает требованиям, предъявляемым к научному изложению, но как в стилистическом, так и в структурно-логическом отношении требует некоторой доводки, и рекомендована к публикации по ее завершению.